

УДК 821.512.157

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-1-147-158

Поэтика холода в якутской прозе начала XX века: холод как граница якутского мира

С. Е. Ноева (Карманова)

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

г. Якутск, Россия

✉ Noyeva79@mail.ru

Аннотация. Активное обращение к дискурсу холода как научной проблеме отмечается в науке в последние несколько лет, что обусловлено в какой-то степени трансформацией картины мира современного человека, отчасти осознанием хрупкости баланса мира в глобализирующемся пространстве. В то же время неразработанность методологии, заключающаяся в отсутствии концептуальной, информационной базы, отдельного инструментария, создает трудности в реализации данной проблемы. В связи с этим тема, представленная в рамках данной статьи, имеет, несомненно, глубокий научный потенциал и новизну в контексте проблемы геокультуры Севера. Цель исследования – изучение концепта холода в контексте геокультурного ландшафта Якутии как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью и объединенных в единую художественную систему. Автор обращает особое внимание на рецепцию концепта холода в аспекте бинарных позиций свой–чужой, где *свой* представлен ассоциативным рядом *родной, близкий, светлый, безопасный* и участвует в формировании уникальных характеристик национального мира. Основное внимание уделяется инициальным свойствам холода, формирующим границы якутского мира и участвующим в оформлении специфической ментальной картины саха, что достаточно ярко отражается в образах, иницирующих героев П. А. Ойунского. Помимо этого предметом исследования также являются специфика холода и его роль в актуализации уникального геокультурного качества города Якутска как самого холодного, самого далекого города, «города на краю». Методами в статье послужили системный, структурный методы исследования. Изучение данного концепта в литературоведческом аспекте способствует выявлению специфики индивидуального стиля, авторской позиции, особенностей конструирования национальной картины мира

Ключевые слова: холод, геокультурная среда, граница, инициация, когнитивные характеристики текста, эволюция героя, городской текст.

Для цитирования: Ноева (Карманова) С. Е. Поэтика холода в якутской прозе начала XX века: холод как граница якутского мира. Вестник СВФУ. 2024, Т. 21, №1. С. 147–158. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-147-158

The poetry of cold in Yakut prose of the early twentieth century: cold as the border of the Yakut world

S. E. Noeva (Karmanova)

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

✉ Noyeva79@mail.ru

Abstract. In recent years, an active appeal to the discourse of cold as a scientific problem has been observed in science, which is partly due to some extent to the transformation of the worldview of modern man, partly to the awareness of the fragility of the world balance in a globalising space. At the same time,

© Ноева (Карманова) С. Е., 2024

the lack of development of the methodology, which consists in the absence of a conceptual, informational base, separate tools, creates difficulties in implementation this problem. In this regard, the topic presented in this article undoubtedly has great scientific potential and novelty in the context of the problem of geo-culture of the North. The purpose of the study is to study the concept of cold in the context of the geo-cultural landscape of Yakutia as a semantic structure, which manifests itself in the constancy of images, universals with cultural, historical, mental community and united in a single artistic system. The author pays special attention to the reception of the concept of cold in the aspect of binary positions of one's own and another's, where one's own is represented by an associative series of native, close, bright, safe, and participates in the formation of unique characteristics of the national world. The main attention is paid to the initial properties of cold, which form the borders of the Yakut world and participating in the design of a specific mental picture of Sakha, which is quite clearly reflected in the images of the initiating heroes of P.A. Oyunsky. In addition, the subject of the study is also the specifics of cold and its role in the actualisation of the unique geo-cultural quality of the city of Yakutsk as the coldest, most distant city, "the city on the edge". The methods used in the article were systemic, structural research methods. Results. The study of this concept in the literary aspect helps to identify the peculiarities of the individual style, the author's position, and the peculiarities of constructing a national picture of the world.

Keywords: cold, geo-cultural environment, border, initiation, cognitive characteristics of the text, evolution of the hero, urban text.

For citation: Noeva (Karmanova) S. E. The poetry of cold in Yakut prose of the early twentieth century: cold as the border of the Yakut world. Vestnik of NEFU. 2024, Vol. 21, No. 1. Pp. 147–158. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-1-147-158

Введение

Север как уникальный регион по своему геополитическому, природно-ландшафтному, физико-географическому, социально-экономическому, историко-культурному значению занимает особое место на карте мира. Осмысление глобальных проблем мира через призму северности имеет исключительное значение в современное время, когда все острее обнажаются проблемы баланса мира, касающиеся социально-экономической, политической, экологической и духовно-культурной сфер жизни человека. И потому проблема северной земли, «освоение» ее культурных территорий имеют высокую степень актуальности в разных исследовательских контекстах, в том числе в литературоведческих трудах.

Целью исследования является изучение репрезентаций концепта холод в контексте якутского геокультурного ландшафта. Привлекает особый интерес рецепция холода в аспекте бинарных оппозиций свой-чужой, где свой представлен ассоциативным рядом *родной, близкий, светлый, безопасный* и участвует в формировании уникальных характеристик национального мира. Выбор парадигмы научного исследования определяется выделяющейся в фольклорных, литературных текстах спецификой инициального свойства холода, формирующей границы якутского мира и участвующей в оформлении специфической якутской ментальной картины.

Результаты работы могут быть использованы в решении проблемы изучения поэтики якутского художественного текста, также в какой-то мере помогут восполнить пробел в отношении литературоведческого материала, что послужит основой для наиболее полного раскрытия проблем дискурса холода в отечественной науке.

Материалы и методы исследования

Материалом для статьи послужили частично фольклорные источники, а также произведения П. А. Ойунского, в которых понятие холода является базисным. Объектом

исследования выступает рецепция холода на якутском материале, а точнее, представление холода в качестве инициации главного героя. Несмотря на повышающийся интерес к проблеме холода в отечественной науке, на материале якутской литературы она до сих пор не была предметом специального изучения. Аналитическим инструментом в статье стал междисциплинарный подход к изучению фольклорно-литературного материала.

Результаты

Образ северной земли как смысловой структуры состоит из константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью как в литературах кочевых малочисленных народов Севера, так и в якутской литературе. Основу северной ментальности создают универсалии: холод, снег, мерзлота, дорога, край, даль, смерть, свобода, чистота, бесконечность, вечность и т. д., среди которых особой символической нагрузкой наделено понятие судьбы (рока, фатума).

Ориентированность на север, обусловленная решением судьбы ('оноһуу' предопределенность, 'анал' фатум, 'дьылба' судьба) и неким предназначением, усматривается не только в пути предков саха Омгоя и Элляя, но также и направленных в страну вечного холода каторжан, ссыльных, поселенцев и др., для которых проверка сибирским холодом является аналогией духовного испытания и воскресения.

Образно-поэтический контекст северной земли в основном формируется из климатически-метеорологического (снег, холод, дождь, пурга, жара, туман, тьма, белые ночи, северное сияние) и ландшафтного (море, тундра, равнина, простор, открытость пространства, тайга, пустота и пр.), звуко-цветового (белый, зеленый, синий цвета, тишина, безмолвие и др.) аспектов. Суровые климатические условия, географическая особенность северной земли становятся определяющими для оформления специфического характера северного человека, эмоционально-выдержанного, храброго, упорного и готового стойко перенести все тяготы и невзгоды жизни.

Как отмечают исследователи, в установлении оригинальной картины Севера, в зарождении особого северного ментального сознания глубоко специфичную роль играет понятие «холод» как «комплексный культурный феномен, характерный для национальной ментальности многих народов мира, в т. ч. коренных народов Якутии» [1, с. 91]. Множественность культурных понятий, обозначающих специфичность климатических условий для обозначения холодного воздуха (чысхаан, абырым, анысхан, аргыар, архаан, өксүөн, хахсаат, кыыдаан, кыскыран, кыйысхан, кээнсээр и т. д.), для выражения явлений природы (ирбэт тон, хаар, муус, хаһын, дыбар и др.) определяет первичную роль, доминантное положение данного понятия в мировосприятии якута, чья жизнь на Севере была сильно зависима от степени адаптации к осваиваемой территории. Также стоит отметить, что разнообразие ряда художественных ассоциаций, возникающих касательно концепта холод, зависит не только от геоклиматического своеобразия, но и в основном от ментальных особенностей историко-культурного периода, религиозной принадлежности народа, уровня приспособленности организма человека к проживанию на данной территории, индивидуального опыта, то есть степени реализации человеческого потенциала в определенной географической местности.

Холодное пространство как чужой опасный мир

Адаптация человека к жизни на Севере происходила через приспособление его к географическому положению, суровым климатическим условиям ландшафта, полноценное освоение которых реализуемо только при условии открытости сознания пространству Севера. Человек, максимально приспособившись к среде, трансформируется сам внутренне и получает возможность открыть свой потенциал, раскрываясь новому пространству.

Граница, разделяющая пространство на теплое и холодное, участвует в актуализации индивидуального поля человека саха, его среды (эйгэ) и является одним из наиболее значимых в культуре народа саха, через притяжение которого транслируется весь образ национального «Я».

Северная земля, подвергаясь осмыслению в основном через понятие чужбины, обретает в художественных текстах исследователей, писателей, других общественных деятелей иной национальности конца XIX в. такие смысловые параллели, как север, сибирская земля, сибирская окраина, «тюрьма без решеток», чужая земля.

В произведениях И. А. Гончарова, В. Г. Тан-Богораза, А. А. Бестужева-Марлинского, В. Л. Серошевского и др. данный ассоциативный ряд порождает новые смысловые параллели: холод, смерть, борьба, возрождение. К примеру, герой В. Л. Серошевского крайне болезненно и вместе с тем с интересом воспринимает окружающее его северное пространство. Так, при описании используются многочисленные смысловые конструкции, направленные на изображение земли: климатические, пейзажно-ландшафтные, этнографическо-бытовые характеристики северного края. Различные природные явления, такие как холод, снег, метель, пурга, жара, ливень, гроза, белые ночи, тишина, комары, характеризующие климат северной земли, ее ландшафт, проиллюстрированы в рассказах автора с большим усердием. Специфика особого восприятия картины якутского края у писателей, бытописцев Севера также была отмечена другими исследователями [2–4].

Характерными приметам северной земли у неместных писателей («Мороз», «Ат-Даван», «Государевы ямщики», «Феодалы» В. Г. Короленко; «Предел скорби», «Хайлак» В. Л. Серошевского, в рассказах, включенных в книги «Чукотские рассказы», «Колымские рассказы» В. Г. Тан-Богораза и др.) являются мертвая тишина, похожий на саван снег, холодные, мертвенные ночи, умирающая природа, молчаливый, умирающий лес, чужое небо, мертвенно-серая гладь вод, мгла, дикий шум, непонятная речь, дикие впечатления, тягостное время. Экзистенциальный хаос, душевное опустошение ощущаются в процессе увядания северной природы, в невыносимых условиях жизни бедняков, мучительной смерти больных проказой, картинах распада жизни, то есть наблюдается восприятие Севера как сферы холода и смерти.

Холодная хтоническая земля полностью поглощает чужого, постороннего в этом краю, что может означать отрицание героем-изгнанником окружающего его пространства.

С другой стороны, народная память сохранила образы многих политических ссыльных, которые предстали в качестве учителей, просветителей. Несмотря на безысходность жизни, холод и лишения, они выбрали свою миссию, оставив после себя богатое научное, культурное наследие, тем самым доказав, что человек в пространстве холода также может создавать, сохранять и созидать вопреки климатическим, экономическим, социальным сложностям.

То есть холод как маркер тождества и разности указывает на многообразие, предельность, обтекаемость состояний человека и большого мира, делящегося на разные бинарные позиции (далекий / близкий, светлый / темный, старый / новый, теплый / холодный пр.).

Холод как уникальное качество якутского мира

Концепт холод как основной маркер геокультурной модели якутской земли имеет определяющее значение не только для всего географического ландшафта («земли» в широком смысле – озер, рек, равнин, гор, леса, тайги и др.), но и культурного ареала, ментального пространства человека саха (родного края – төрүт түөлбэ, родины – ийэ дойду, национального микрокосмоса).

Представленный в качестве некоей материи, локализованной в пространстве якутского мира, холод имеет первичное значение и обладает вечным, неуничтожимым свойством. Попытка изменить законы мироздания, включая посягание на власть холода в сюжете народного предания-номоха «Улуу Куданса» предопределяет трагическую участь легендарного родоначальника Кудангсы, который, желая спасти свой род от вселенского холода, заставляет шамана раздробить звезду Чолбон (Венеру). Тем самым он противоречит вековым законам вселенной и навлекает на себя страшную кару – сэт-сэлээн [5–6].

Холод в качестве границы позволяет выстроить особое поле, имеющее свои законы функционирования и жизнеобеспечения внутри этой системы. Имплицитно действующий

на территории севера механизм холода подчиняет всю структуру жизни человека: он «растворяется» в окружающей среде и, согласно идее проявления холода, меняет свой быт, ценности, привычки, интересы, режим дня и др.

Стереотипы описания холода как глубинной метафоры кризиса отношений в обществе можно отметить в якутской прозе начала XX века, когда холод предстал как агрессивное начало, в качестве антагониста поработанного класса – поэтому в этот период создаются типы «маленьких» людей, чувствующих холод и в физическом реальном мире, и в эмоциональном плане: Имиинит Сүөдэрэпээн (П. А. Ойунский «Сон кожемяки»), Ухун Ыстапаан (А. И. Софронов–Алампа «Городчик»), Ылдьаа (Н. М. Заболоцкий «Мааппа»), Уулаах Уйбаан (С. С. Яковлев–Эрилик Эристин «Исполнение завещания») и др.:

Ол тахсан көрбүтүм, кыыдааннаах дьыбар тумарыктыя оргуйбут, кыдьымах хаар кырылыы көппүт. Халлаан диэки хантас гыммытым, хабыс-хараҥа. Сулус көстүбэт, чолбон убайбат. Көр-көрүмэ – күдэн туман [7, с. 162]. – Там сквозь туманную пелену увидел, как кружа хлопья колочего снега, вихрилась морозная стужа. Вскинул голову, а в небе царил крошечная мгла. Не видно было ни одной звезды, ни ночного светила. Сколь ни всматривайся – один туман [8, с. 139].

Ханнык эрэ тулаайах тумуллара, чонкуһа тонмут алаастары быһыта түһүтэлээтилэр. Ол да буоллар кэтэхэр, сүрэби ититэр бадалаах кыым уота хантан да кыламанан көстүбэтэ [9, с. 157]. – Одинокие мысы, замерзшие, покрытые инеем аласы остались за спиной. Но впереди нигде не был виден долгожданный, согревающий сердце свет камелька (пер. наш – С.Н.).

Балаҕан таһыгар чугаһаан кэлэн көрдөххө, кубус-кураанах, им-ным, арай үөлэстэн тахсар кыым сырдыгынан кыһайан көрдөххө, моойторуктаах хара ыт бөх үрдүгэр, титирээн ибигирии-ибигирии, чонкуччу кырыаран сытарынан ыал олодорун быһыыта биллэр этэ [10, с. 3]. – Приблизившись к юрте, можно было заметить опустелый тихий двор. И лишь изредка искра, выходящая из трубы, освещала темный двор, где лежал весь покрытый инеем черный пес, сильно дрожащий от невыносимого холода (пер. наш – С.Н.).

В качестве некоего мерила, единицы измерения к проблеме экзистенциального существования человека восприятие холода выражает страх и отчуждение. Стоит отметить, что темная, бесконечно тянущаяся, безысходная зима в качестве основной хронотопической реалии почти всегда присутствует в прозе первых писателей А. И. Софронова–Алампа, П. А. Ойунского, Н. М. Заболоцкого–Чысхаана, А. А. Иванова–Кюндэ, С. С. Яковлева–Эрилик Эристина и др. Холод как граница, определяющая рубежи якутского края, воспринимаемого издавна в качестве территории зимы, ночи (или смерти), отражает хтоническое темное начало и выделяет катастрофичность мира, кризис, разрыв в отношениях человека и общества.

Здесь надо отметить, что переносное значение слов холод, холодный с отрицательной семантикой ‘муус сүрэх’ (холодное сердце), ‘тымныы харахтар’ (холодный взгляд), ‘тымныытык көрдө’ (недобрый взгляд), ‘хабыс, тымныы сыһыан’ (холодные отношения) и их корреляции были выделены Н. З. Копыриным в его труде, посвященном изобразительным средствам якутской поэзии [11, с. 331].

В этом контексте уместно специально обратиться к проблеме испытания холодом как некой инициации, которая нуждается в рассмотрении именно в рамках обозначенной темы северности. Отмеченная М. М. Бахтиным символическая роль порога / границы в трансформации сознания человека, усматривается в лиминальном пространстве дороги, где драматизм холода приобретает наиболее мистический и критический характер.

В этой странной реалии выделяются активно функционирующие страшные субъекты дороги – дэриэтинник-оборотни, үөр-призраки, – преимущественно выступающие в образах красивых женщин, выразительно-ужасающих и вместе с тем зловеще-привлекательных. Вполне притягательны и актуальны нарративы пути (дорожные байки

‘суол номохторо’, страшилки ‘абааһылаах кэпсээннэр’) о погибших или чудом избежавших смерти путниках, попавших в соблазн роковых женщин-призраков, которые завлекали замерзших странников в свою теплую юрту с пылающим очагом. Их иллюзорная харизма, красота, вкусная еда, теплый очаг сменяются ужасом, пустотой и страшным холодом. «Вдруг неожиданно он выехал на начало елани, где стояли развалины старинных построек. Посередине этого места показалось жильё, где обитали какие-то люди. Ярко светилось, оказывается, каждое окно их балагана, из трубы валил, сверкая искрами, дым, за окнами мелькали силуэты людей. Иван, увидев это, безмерно обрадовался (...)» [12, с. 275]; «Утром, когда Иван проснулся, небо на востоке уже побелело. Он же, оказывается, замерз, стал похож на колоду. Он вдруг вспомнил, что вчера вечером ложился в теплую постель: на подстилку из медвежьей шкуры и под одеяло из заячьих шкурок. Пошарил вокруг, как бы надеясь найти их, но ничего не было: ни подстилки, ни одеяла, ни подушки. Лежит, оказывается, на голой земле» [12, с. 275].

В пространстве холода особое место уделяется топосам гостинных домов, постоянных дворов (дьаам), симиэбийэ (зимнику, зимовью), которые являются местами концентрическими и потому особо смыслообразующими, соединяющими пути-дороги путников, обязательно или вынужденно посещающих их по пути в свои пункты назначения:

Дьэ ол иһин киһи-сүөһү бөбө түмсэр, арааһынай эстибит-быстыбыт, көммүт-байбыт барыта тобуруйар, хаарты-арыгы хараабат, охсуһуу-этиһии, молуон-содуом буола, уорсуу, өлөрсүү таһса турар сирэ [13, с. 180]. – Это место, где собирается много народу, и нищие, и богатые, никогда не останавливается игра в карты, не кончается вино, всегда случаются разного рода конфликты, грабежи и убийства (пер. наш – С.Н.).

В народном фольклоре сформировались легенды о знаменитой бодайбинской дороге, а также о зимовье Чалаак, которое находится в пяти верстах до Бодайбо. Об этом зимовье говорится, что данное место *дьон бөбөнү алдьаппыт, аймаабыт симиэбийэ* (досл. зимовье, которое сломало судьбы многих людей).

Интересна репрезентация концепта холод в качестве основной составляющей якутской геотопики в повестях «Великий Кудангса» (1929), «Дорогунов Николай – удалой молодец» (1936), рассказах «Якут, превратившийся в злого духа», «Удачливое место охоты», «Сон или явь?» (1926), «Сердце», «Кээрэкээн» (1936) основоположника литературы П. А. Ойунского. Концепт холод здесь представлен в качестве геокультурного признака якутской земли, моделирующего территориальные рубежи северного макрокосма и обособляющего особое измерение данного мира.

В таких художественных образах, созданных писателем, как күдэн туман (досл. летящий туман), түптэлэс тымныы (досл. пылающий мороз), чункунас тымныы (досл. звенящий холод), кыыдаан дьыбар (досл. белый мороз), уот дьыбар (досл. огненный мороз), аргыардаах аан балаһа дьыбар (досл. дышащий мороз), бургунас муоһа булгурута тонгор тымныыта (досл. мороз, на котором мёрзнет и трескается рог быка), кыһын ийэ хотун (досл. матушка-госпожа зима) и пр. создаются активные ассоциации, участвующие в реализации концепта холод, без которого невозможно полностью раскрыть уникальную концептосферу северной земли – это живая, угнетающе-опасная, но постоянная всеобъемлющая материя, имеющая власть над людьми:

Тохсунньу кыыдаан дьыбара чынгкыныы турара, силлээбит сил сиргэ тиийбэккэ муус буолан тобуруу тохторо... Кыыгыныы-чынгкыныы турар түптэлэс тымныы уот-дьыбар мууһунан хаарыйбахтыыр, уотунан салаамахтыыр. Бу буоллаҕа дии биһи бургунас муоһа булгурута тонгор тымныыта! [7, с. 193]. – Был пронзительный трескучий мороз января, плевков превращался в лед, не достигая земли. Лютый пылающий мороз пожирал огненным дыханием. Про такой холод обычно говорят, мороз, когда ломался рог молодого быка (пер. наш – С.Н.).

Как вечное начало холод не поддается изменению и является гарантом стабильности жизни на севере, обеспечивая равновесие и безопасность круга жизни.

Стоит особо отметить интенцию, характер личностных, идентификационных качеств человека, пересекающего трудную дорогу. То есть испытание холодом представляется в качестве специфического индикатора избранности героев Ойунского: Мэхээчи, Николая Дорогунова, Улуу Кудангса, подчеркивающего их инициальный путь.

Как мы знаем, в повести «Улуу Кудангса» П. А. Ойунского использован сюжет народного предания о легендарном родоначальнике – здесь актуализируется образ зимы как вечной вещественной материи, обладающей статусом первоначала: улуу тымныы (великий холод), уоттаах улуу кыһын (огненная великая зима), имэн тымныы (страстный холод), аан балаһа дьыбар (бесконечный мороз). Испытание рода Кудангса великими казнями – холодом и мором – является условием, выявляющим их солидарность, толерантность и стойкость, что далее послужит базисом для формирования единого «үс саха» (род якутов саха), «ураанхай саха» (саха уранхай), «саха аймаҕа» (весь якутский народ). Для самого Кудангсы проверка холодом является предпосылкой зарождения эпической фигуры народного лидера, в образе которого представлена идея жертвенности и бессмертия во имя благополучия своего народа:

Үөрүү-көтүү бөбө улаанпыт, дьон номоҕо буолбут эбит: «Бу Улуу Кудангса баар эбит дьин Одун Хаантан онһоллубут, Чынгыс Хаантан ыйыллыбыт, Дьылҕа Тойонтон анаммыт орто туруу дойдуга улуу баһылыкпыт! Үс саха өлөр, охтор анала суох эбит» [7, с. 23]. – Возросли радость и веселье, в народе же сложилось такое предание: «Вот кто, оказывается, наш повелитель, сотворенный Одун Хааном, направленный Чингис Хааном, предназначенный Джылга Тойоном – это Кудангса Великий! Не дано сгинуть достославным саха! И спасет, защитит, облагодетельствует их только Кудангса Великий», – так весь люд возлюбил, зауважал его (пер. А. Борисовой-Слепцовой) [8, с. 46].

Стихия холода способствует формированию человека с особой внутренней установкой, жизненная потенция которого имеет выразительный, сильный, яркий характер. Молодой Мэхээчэ в рассказе «Сүрэх» (1937) представлен как исключительный герой, который, несмотря на туман, темноту и холод, обращен к своей цели – он сконцентрирован на выполнении своего задания, как и подобает герою исключительного характера:

Бүгүн соботох оҕото, Мэхээчэтэ барахсан, көрдөр хараһын дьүккэтэ, көтүрдэр тишин миилэтэ, улуу сорука барда... Бу илэ барыйбыт абыс тараҕай дьаангыны мүччү түһэн туоруур эрэ, туораабат эрэ... [7, с. 194]. – Сегодня идет на важное задание ее единственный сын милый Мэхээчэ, зрачок ее глаз, десница ее зубов... Одолеет ли он этот тяжелый путь, перейдет ли эту темную нависающую великую гору (пер. наш – С.Н.).

Казалось бы, он совершенно одинок и незаменим в процессе своего трудного пути, однако он состоит в неразрывном единстве со своим народом. И потому в отношении героя, находящегося в тесной связи со своим народом, невозможно применить понятие одиночества, забвения и смерти.

Холод как инициация имеет основополагающее значение и в аспекте эволюции Николая Дорогунова. Имманентно присущая идея путешествующего героя, который через преодоление трудностей пути открывает в себе новые возможности, дополняется новым смысловым наполнением – проходя проверку в пути, он практически умирает от пробирающего до костей холода и воскресает:

Куттаҕа ньуөлүйбэт буолла, ол гынан баран тонмута эбии улаатта, дьобойон куттахтыын тонмут курдук буолла [7, с. 84]. – Желудок немного успокоился, но холод пробрал еще сильнее, казалось, все тело промерзло насквозь, вплоть до кишок (пер. А. Борисовой-Слепцовой) [8, с. 115].

Долгий и трудный путь в Охотск, усугубленный невыносимым холодом, наполняется смыслом трансформирующим, одухотворяющим для авантюрного героя Николая Дорогунова, непостоянного и ненадежного – он, наконец, находит истинный смысл своей жизни в любви к Лагларыйа Даайыс.

Познание холода в состоянии пограничья, на пороге или в пути, отраженное в философской прозе П. А. Ойунского, становится художественным способом раскрытия экзистенциальных возможностей человека, оказавшегося в состоянии трансформации сознания. Через призму проблемы иницирующего при переходе границы (проверяемого холодом) героя достаточно органично и интересно выявляется специфика якутского текста как уникальной системы, отражающей особенности национального сознания, выражающейся в первую очередь в самоидентификации человека в новой для него реальности. Испытание холодом индифферентно внутренней динамике героя, когда изменения, повлекшие модификацию прежних личностных установок, создают новое качество сознания героя, иницирующее и обновленное.

В отличие от внутреннего холода (чувства пустоты, отчужденности и безысходности) холод внешний закаливает, ободряет, пробуждает и защищает, что было отмечено еще А. Е. Кулаковским. Он писал, что суровый ландшафт формирует у человека закалку, стойкость духа и непоколебимый характер [6].

Можно сказать, что в произведениях якутских писателей XX–начала XXI вв. (как в прозе, так и в поэзии) в отношении концепта холод реализован актуальный слой понятия «свой» (в противоположность понятию «чужой» – холодный, который, как мы помним, функционировал в тексте писателей иной культуры), и в них включены такие художественные ассоциации, как свое, родное, материнское, прекрасное, светлое, близкое и т. д.

Эстетическая образность понятия «холод», проявляющаяся в описаниях северной природы (леса, равнин, аласов, рек, озер и др.), изображениях деревенских жителей, их быта, труда, в парадигме крепкой созидающей связи всех художественных объектов с якутской землей позволяет создать уникальную модель национального мира. В прозе якутских писателей понятие снега апеллирует к таким топологическим реалиям и понятиям, как «тыа сирэ» («село»), «алаас» («елань»), «кыстык» («зимник»), «тыа, ойуур» («лес»), «балабан» («юрта»), «ыллык» («тропинка»), «суол» («дорога»), «тыа дьоно» («сельчане»), «булт» («охота»), «айан» (путь) и др. Далее концепт холода в произведениях участвует в создании уникального «аласного» хронотопа через ассоциативные ряды понятий родной, безопасной.

Сыһылар сырдыктар, чараннар наһыллар,
Аан дойду сүктэр кыыс танаһын тангынна:
Сүктэр кыыс кэриэтэ кыыркаҕа суох ыраас,
Сүктэр кыыс кэриэтэ сэмэйэ да алыс.

[14, с. 407]

(Светлы долины, рощи нежны, родина моя надела платье подвенечное, как невеста чиста, как невеста скромна).

Кыскаар тыал кыдыһар тыныттан
Кыһын дьэ кэлэр киэп киллэрбит.
Кытаанах, доруобай тымныттан
Кыыс оҕо иннэрэ тэтэрбит

[15, с. 100]

(Видно по сильному ветру, что приближается зима. От крепкого, здорового мороза у девушки зарумянились щеки).

Үрүмэччи буолан хаар ыһыллар,
Туллук буолан хаар бураллар –
Тыыннаах курдук чэпчэтитик,
Алмаас таасты дьиктитик.

[16, с. 162]

(Словно бабочка снег кружится, словно пуночка снег порхает, Как живой лежок, как алмаз восхищает).

В поэтических произведениях А. И. Софронова–Алампа, А. А. Иванова–Күндэ, С. Р. Кулачикова–Элляя, В. М. Новикова–Күннүк Урастырова, С. П. Данилова, Л. А. Попова, И. М. Гоголева, П. Н. Тобурокова и др. из концепта холод в сравнительном дискурсе возникают ассоциативные ряды радость, чистота, жизнь, еда, красота, танец, рождение и др., которые являются основными понятиями в аксиологическом спектре ценностей саха.

Таким образом, холод, реально ощущаемая материальная субстанция, становится в художественном тексте якутских писателей олицетворением и других абстрактных ценностных смыслов – родина, красота, любовь, защищенность, постоянство, жизнь, вечность и т. д. Данный ассоциативный ряд позволяет утверждать, что холод есть концепт, выражающий не только общий ареал проживания, но и общность мироощущения, единый спектр аксиологических понятий для народов, живущих на данной территории.

Образ самого холодного города

Достаточно специфична степень «наполнения» пространства, геокультурного поля, порядок обживания в городе Якутске, где призма художественного хронотопа в первую очередь отсылает к понятию холода.

Художественный образ Якутска оригинален и аутентичен – это расположенный далеко на периферии самый северный, самый «холодный город», «ледяной город», «город-призрак», «город в тумане», «город во мгле», «мертвый город», «белый город» и пр.

Якутск как стоящий на вечной мерзлоте один из крупных и старых городов Сибири, издавна ассоциировался с географической далью, темнотой и физическим холодом. Закрепление за якутским краем статуса страны каторги, тюрем, лагерей с конца XVI века только способствует утверждению образа темного и мрачного, самого северного города. Вообще надо отметить, что Сибирь, расположенная «на краю» культурного пространства, всегда характеризовалась как страна мертвых. Как отметил В. И. Тюпа, «Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода – зимы – ночи (луны), то есть смерти в мифологическом ее понимании» [17, с. 255].

Можно отметить, что в современное время немного изменилось в восприятии Якутска: путешественники, туристы, фотографы, прибывшие в республику во впечатлениями, обозначают его как самый холодный город, белый город, город на краю, город-призрак с жителями, подобными теням [18].

Город у реки Лены с самого его основания связан с мифом о потопе (известно, что место основания города переносилось три раза, т. к. каждый раз город затапливало рекой), и потому отсылающий к борьбе со стихией (не только с водой, жарой, но и холодом) мотив конца (края, обреченности) становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска. Постоянными элементами городского ландшафта в зимний период становятся туман и мгла (тьма), покрывающие Якутск почти полгода и наполняющиеся экзистенциальной нагрузкой при оформлении образа человека в городе, всегда стремящегося в поисках себя выйти из объятий мглы.

Апокалиптические прогнозы, касающиеся будущего города, неизменно рассматриваются в связи с описаниями больших катаклизмов (пожары, наводнения, голод, захват врагов, эпидемии, холод и пр.). Обречение на холод как злой рок витает над ныне пустыми и заброшенными городами-призраками Колымского края Кадыкчан, Кулар, Ыныкчан, Ольчан, Власово, Северный, Тенкели, Бриндакит и др. Тема гибели города от холода успешно становится художественным и кинематографическим материалом (А. Геласимов «Холод», С. Тармашев «Холод», Х. Блэк «Холодный город», С. Петросян «Холодный город», М. Ньютон «Город холодных руин» и др.).

Маркерами якутского городского ландшафта становятся не только холод, туман, темнота, пыль, но и чистый снег, просторы, белый цвет и пр., о чем довольно часто упоминается и всегда в положительном контексте, в романе Н. А. Лугинова «Мэндэмэннэр» (Этажи, 1980): «Саҥа түспүт ыраас хаар туналыһар» (Белеет только выпавший чистый снег); «Тоҕо бэрдэй, кизнэй-куонай, Көр бу манна кэлэн бу ыраас

туналбаны көрөр үчүгэйин» (Как здесь красиво и просторно. Как же радостно наблюдать за этим чистым и белым лугом), «Иннигэр Күөх Хонуу үрүн хаарынан туналыа сытар» (Перед ним лежит в белом снегу Зеленый Луг); «Куорат бэбүэһэнни кырпай хаар кэннитэн, саҥа кырса сонноммуттуу, ып-ырааһынан чабылылар, күлүмүрдүүр. Дьокуускай сырдыгы таптыыр ээ» (Город после вчерашнего снега как будто одела песцовую шубу, чистый, сияющий. Якутск любит светлое) [19].

Сложную организацию города Якутска отражают его характерные особенности. Якутск стоит на территории многолетней мерзлоты. Стоящие на сваях многоэтажные дома являются характерной чертой «города на курьих ножках». Дополнительное воздушное пространство (прослойка) между домом и землей отражает состояние несбалансированности, некой иллюзорности, подчеркивая хрупкость человеческого мира перед силой природы.

Возможно, этим обстоятельством обуславливается специфический образ Якутска, парящего над землей, окруженного ореолом загадочности и мистики – это в какой-то степени город-мираж, город-призрак, стоящий в тумане (дыму, пыли). Применительно к образу Якутска, самого холодного города, стоящего на вечной мерзлоте на берегу великой Лены, всегда можно усмотреть аспект триединства – льда, воды и снега. Так или иначе, сменяя друг друга, они круглогодично фигурируют в оформлении образа Якутска, являясь символами торжества жизни, перерождения и бессмертия.

Таким образом, учитывая общие гео-характеристики урбанистического топоса, специфические свойства (расположение на периферии, «на краю» культурного пространства) и признаки, типичные только для Якутска как самого холодного, ледяного, туманного, снежного, призрачного, мертвого и пр., можно выделить следующие художественные компоненты: холод, мороз, снег, туман, тьма, жара, пыль, грязь и пр.

Обсуждение

Актуальность данного исследования обусловлена в первую очередь перестройкой картины мира и идеалов в глобализирующемся пространстве, что определяет возрастающий в последнее время исследовательский интерес в научном мире к проблеме холода. В исследовательской парадигме якутских ученых холод представлен в виде особой экзистенциальной категории, в контексте которой своеобразное выражение получают концепты, образы, стратегии, приобретающие актуализацию в освоении северных территорий и формировании северной идентичности [1, 20–22].

Заключение

Из рассмотренного нами материала следует, что в якутской прозе художественная рецепция понятия холод претерпевает значительные изменения, обусловленные спецификой менталитета северного человека и уровня толерантности, степенью его адаптации к особенностям окружающего ландшафта. На материале якутской литературы отображается широкий спектр функционирования образа холода. Характер переживания холода функционально связан с формированием специфических черт национального характера, способствуя в первую очередь выражению идентичности, северной общности народов, проживающих на этой территории. Переживание холода обуславливает формирование особого статуса правителя и потенциала народа, получивших вызов холода в качестве некоего божественного испытания.

Таким образом, можно сказать, что специфика художественного воплощения образа холода в якутской прозе обусловлена в первую очередь степенью погружения в окружающий ландшафт и становится одним из основных этнокультурных маркеров якутской культуры. Изучение данного концепта в литературоведческом аспекте способствует выявлению специфики индивидуального стиля, авторской позиции, особенностей конструирования национальной картины мира, а также определению принципов организации структуры произведения, тематического, формально-содержательного, стилистического ядра всей художественной системы.

Л и т е р а т у р а

1. Кузьмина, А. А. Специфика геокультурных образов холода в фольклоре и литературе коренных народов Якутии советского периода / А. А. Кузьмина // Филология : Научные исследования. – 2021. – № 5. – С. 89–100.
2. Емельянов, И. С. Русско-якутские литературные связи в прозе (1880–1930-е гг.) : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Емельянов И. С. – Якутск, 1998. – 21 с.
3. Иванова, О. И. К проблеме русско-якутских литературных связей (Влияние якутской действительности, фольклора, миросозерцания на поэтику В.Г. Короленко : автореферат дисс. ... к. филол. н. / Иванова О. И. – Якутск, 2005. – 22 с.
4. Бурцева, Ж. В. Русскоязычная литература Якутии : художественно-эстетические особенности пограничья / Ж. В. Бурцева. – Новосибирск : Наука, 2014. – 132 с.
5. Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5., оп. 3., ед.хр. 588, л. 14–18.
6. Кулаковский, А. Е. Ырыа-хоһоон / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Госиздат ЯАССР, 1946. – 330 с. (на якут. яз.).
7. Ойунский, П. А. Талыллыбыт айымньылар / П. А. Ойунский. – Якутск : Бичик, 1993. – 441 с. (на якут. яз.).
8. Борисова-Слепцова, А. А. В поисках золотого зерна / А. А. Борисова-Слепцова. – Якутск : Айар, 2022. – 368 с.
9. Заболоцкий, Н. М.–Чысхаан. Маappa : повести, рассказы / Н. М. Заболоцкий-Чысхаан. – Якутск : Бичик, 2003. – 256 с. (на якут. яз.).
10. Софронов, А. И.–Алампа. Куораччыт : рассказ / А. И. Софронов-Алампа. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1978. – 20 с. (на якут. яз.).
11. Копырин, Н. З. Изобразительные средства якутской поэзии / Н. З. Копырин. – Якутск : Бичик, 1997. – 172 с.
12. Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 400 с.
13. Соловьев, В. С.–Болот Боотур. Уһуктуу : роман / В. С. Соловьев– Болот Боотур. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1987. – 640 с. (на якут. яз.).
14. Данилов, С. П. Талыллыбыт айымньылар / С. П. Данилов. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1984. – 431 с. (на якут. яз.).
15. Новиков, В. М.–Күннүк Уурастыырап. Талыллыбыт айымньылар / В. М. Новиков–Күннүк Уурастыырап. – Якутск : Як. книж. изд-во, 1977. – 450 с. (на якут. яз.).
16. Попов, Л. А. Күндү таас тэнэ / Л. А. Попов. – Якутск : Бичик, 2014. – 232 с. (на якут. яз.).
17. Тюпа, В. И. Сибирский интертекст русской литературы / В. И. Тюпа // Анализ художественного текста. – Москва : Академия, 2009. – 336 с.
18. О Стиве Юнкере. – URL: <https://sakhaday.ru/news/gorod-prizrak-s-ledenyashchey-atmosferoy-yakutsk-v-obektive-shveycarskogo-fotografa> (дата обращения 28.03.2021), о Евгении Касперском <https://life.ykt.ru/117814?block.all> (дата обращения 24.03.2021).
19. Лугинов, Н. А. Мэндэмэннэр : роман / Н. А. Лугинов. – Якутск : Якут. книж. изд-во, 1980. – 199 с. (на якут. яз.).
20. Романова, Е. Н. Антропология холода : методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) / Е. Н. Романова, О. Э. Добжанская // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2019. – № 35. – С. 254–263.
21. Замятин, Д. Н. Холодный мир : два полюса измерения / Д. Н. Замятин, Е. Н. Романова // Геокультуры Арктики : методология анализа и прикладные исследования. – Москва : Канон+ ; Реабилитация, 2017. – С. 6–12.
22. Сулейманов, А. А. Антропология холода : использование естественных низких температур в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (эволюция традиционных практик и вызовы современности) / А. А. Сулейманов // Кунсткамера, 2020. – № 1. – С. 10–18.

References

1. Kuzmina, A.A. (2021). The specifics of geocultural images of cold in the folklore and literature of the indigenous peoples of Yakutia of the Soviet period. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 5. pp. 89-100. (In Russ.)
2. Emelyanov, I.S. (1998). *Russian-Yakut literary connections in prose (1880-1930)*. Summary of Candidate of Philology dissertation. Yakutsk, 21 p. (In Russ.)
3. Ivanova, O.I. (2005). *On the problem of Russian-Yakut literary relations (Influence of Yakut reality, folklore, worldview on V.G. Korolenko's poetics)*. Summary of Candidate of Philology dissertation. Yakutsk, 22 p. (In Russ.)
4. Burtseva, Zh.V. (2014). *Russian – language literature of Yakutia artistic and aesthetic features of the borderland*. Novosibirsk: Science Publ. «Nauka», 132 p. (In Russ.)
5. Arhiv YANC SO RAN, f. 5, op. 3, ed.hr. 588, l. 14-18. (In Yakut)
6. Oyunsky, P.A. (1993). *Selected works*. Yakutsk: Bichik, 441 p. (In Yakut)
7. Borisova-Sleptsova, A.A. (2022). *In search of the Golden Grain*. Yakutsk: Ayar, 368 p. (In Russ., in Yakut)
8. Zabolotskiy, N.M. – Chyskhaan. (2003). *Mappa: novels, stories*. Yakutsk: Bichik, 256 p. (In Yakut)
9. Sofronov, A.I. – Alampa. (1978). *Townsmen*. Yakutsk: Yakut book publ., 20 p. (In Yakut)
10. Kopyrin, N.Z. (1997). *Visual means of Yakut poetry*. Yakutsk: Bichik, 172 p. (In Russ.)
11. *Legends and myths of Sakha*. (1995). Novosibirsk: Science Publ. «Nauka», 400 p. (In Russ., in yakut)
12. Solovyev, V.S. – Bolot Botur. (1987). *Awakening*. Yakutsk: Yakut book publ., 640 p. (In Yakut)
13. Kulakovskiy, A.E. (1946). *Yrya-hohoon [Songs]*. Yakutsk: Publ. YAASSR, 330 p. (In Yakut)
14. Danilov, S.P. (1984). *Talylybyt ajymnylar [Selected works]*. Yakutsk: Yakut book publ., 431 p. (In Yakut)
15. Gogolev, I.M. (1979). *Oksokylekh serge [Main hitching post]*. Yakutsk: Yakut book publ., 440 p. (In Yakut)
16. Novikov, V.M. – Kunnuk Urastyrap. (1977). *Talylybyt ajymnylar [Selected works]*. Yakutsk: Yakut book publ., 450 p. (In Yakut)
17. Popov, L.A. (2014). *Kundu tas tene [Like a precious stone]*. Yakutsk: Bichik, 232 p. (In Yakut)
18. Tyupa, V.I. (2009). *Siberian intertext of Russian literature*. Analysis of fiction text. M.: Science Publ. «Akademiya», 336 p. (In Russ.)
19. Luginov, N.A. (1980). *Etazhi [Floors]: roman*. Yakutsk: Yakut. Book publ., 199 p. (In Yakut)
20. Romanova, E.N., Dobzhanskaya, O. E. (2019). Anthropology of cold: methodology, concepts, images (on the example of the cultural traditions of the indigenous peoples of the North and the Arctic). *Vestnik Tomsk State University. Culturology and Art History*. 35. P. 254-263. (In Russ.)
21. Zamyatin, D.N. and Romanova, E.N. (2017). *Cold World: two poles of measurement*. Geocultures of Arctic: methodology of analysis and applied researches. Moscow: Publ. «Kanon+», ROOI «Reabilitaciya», P. 6-12. (In Russ.)
22. Suleymanov, A.A. (2020). *Antropology of cold: the use of natural low temperatures in the life support system of rural communities of Yakutia (evolution of traditional practices and challenges of modernity)*. *Kunstkamera*, 1, P. 10-18. (In Russ.)

НОЕВА (КАРМАНОВА) Саргылана Еремеевна – к. филол. н., с. н. с. отдела фольклора и литературы, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: noyeva79@mail.ru

NOEVA (KARMANOVA) Sargylana Eremeevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences Siberian Branch.